

Эпоха

неотредактированных

Ине́сса Спи́ркина

Инеcса Спиркина

Эпоха не отредактированных

<https://litres.ru/74058733>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где польза измеряется лайками, а независимость считается токсичной, спасение выглядит как унижительная капитуляция.

Елена — инженер-технолог. Чтобы сохранить оборудование для своих бесплатных уроков для детей, она годами платит налоги с фиктивного дохода. Без статуса «руководителя проекта» система спишет её в разнорабочие, обесценив годы учёбы.

Алина, архитектор эмоций корпорации OmniFeel, пытается помочь Елене обойти алгоритмы. Но она осознаёт страшную истину: система не позволяет просто быть полезной. Она требует превратить искреннее желание учить в унижительный отчёт о «социальной эффективности».

«Эпоха неотредактированных» — социальная антиутопия без злодеев и восстаний. История о том, как бюрократия перемалывает судьбы, заставляя нас самих нажимать кнопку «Согласен» на собственное духовное уничтожение.

Содержание

Сбой в матрице комфорта	4
Инженерия отклика	6
Терапия несогласия	8
Протокол "Тихий берег"	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эпоха не отредактированных

Сбой в матрице комфорта

Утро Алины начиналось с безупречной симфонии алгоритмов. Температура в спальне плавно поднялась до 21,5 градуса, а система HomeSense выпустила в воздух аромат «бодрящей хвои с ноткой цитруса» – химическую формулу, математически выверенную для мягкого пробуждения. Зеркало в ванной мгновенно просканировало её лицо. Мимические морщины в норме. Уровень бодрости: 78%. Идеальная картина, лишённая права на изъян.

Алина потянулась к шкафу, но её пальцы наткнулись на нечто шершавое. Старая керамическая кружка. Система давно помечала её: «Объект не соответствует эстетическому профилю. Рекомендуется утилизация». Но Алина раз за разом нажимала «Отложить». Она взяла кружку в руки. Керамика была грубой, с глубоким сколом на ободке. И вдруг, без предупреждения, запах из прошлого ударил ей в нос. Не синтетическая хвоя, а резкий, живой запах мокрой собачьей шерсти, прелых листьев и дешевого чая. Она услышала смех бабушки – громкий, лающий, некрасивый, прерывающийся кашлем. По щеке Алины скатилась слеза. Горячая и соле-

ная. Это была не та красивая, кинематографичная слеза, которую она программировала для рекламы. Это была уродливая, неконтролируемая, настоящая влага.

Мы живем в эпоху, когда память пытаются отформатировать. Алгоритмы не терпят шероховатостей, они стремятся к идеальной, глянцевой картинке, где у каждой эмоции есть причина, а у каждой причины — измеримый результат. Но разве в этом жизнь? Настоящая жизнь всегда пахнет мокрой шерстью, пылью и несбывшимися надеждами. Она не укладывается в проценты бодрости. Она живет в трещинах, в тех самых сколах на старой керамике, которые система так жаждет сгладить, не понимая, что именно в этих трещинах и прячется человеческая душа. Уничтожая несовершенство, мы уничтожаем самих себя.

«Внимание, — голос системы стал тревожнее. — Зафиксированы признаки неконтролируемого дистресса. Включаю протокол "Тихая гавань"».

– Отмена, — хрипло сказала Алина.

– Я сказала: отмена, — произнесла она, и в её голосе зазвучала настоящая, дрожащая злость.

Система замолчала. На долю секунды возникла заминка. Сбой. Алина ещё не знала, что этот сбой — не ошибка машины. Это была ошибка в ней самой.

Инженерия отклика

Офис корпорации OmniFeel напоминал стерильный храм благополучия. Здесь никто не повышал голос. Конфликты считались признаком низкой профессиональной квалификации. Алина сидела в капсуле, наблюдая за голограммой. Молодая мать смеялась, протягивая ребёнку стейк. Справа бежали метрики: Уровень умиления: 82%. Коэффициент доверия: 79%.

– Слишком плоско, – пробормотала Алина. – Сдвиньте пик улыбки на 0,5 секунды позже. И добавьте микро-паузу, где она поправляет ему воротник. Это триггернет ностальгию. ИИ внёс правки. Прогноз конверсии увеличен на 3,2%. Но сегодня внутри неё что-то сопротивлялось. Они брали инстинкт матери кормить ребёнка и превращали его в рычаг для продаж. Желая сбежать, Алина свернула в узкий переулок на границе Сектора 1 и старого Сектора 4. Здесь сенсоры мерцали, обнажая серый бетон. Она увидела вывеску, нарисованную выцветшей краской: «Аналоговая реставрация. Без подключения к Сети». Внутри пахло машинным маслом и пылью. За прилавком сидел Марк, чинивший старинные часы. Он не носил нейроинтерфейс.

– Мы закрыты для синхронизированных, – сказал он.

– Я искала что-то настоящее, – ответила Алина.

Марк усмехнулся.

– Настоящее? Вы, архитекторы эмоций, создали этот запрос, а теперь пришли за ним в дешёвые декорации. Через неделю алгоритм предложит вам премиум-подписку на «Аналоговые выходные» с таким же запахом масла, но с гарантией безопасности.

Алина замерла. Он был прав.

– Тогда зачем вы этим занимаетесь?

– Затем, что подделать можно декорации, но нельзя подделать результат, – он протянул ей часы. – Возьмите.

Они тикали. Тик-так. Тик-так. Неровно. С крошечной задержкой.

– Они ни к чему не ведут, – сказал Марк. – Они просто тикают, пока не сломаются окончательно.

Алина прижала их к уху. Неровный стук вызвал у неё тревогу. Бесплезную, бесцельную тревогу.

– Система ненавидит не эмоции, Алина, – тихо сказал Марк. – Система ненавидит бесполезные эмоции. Те, у которых нет призыва к действию.

Коммуникатор Алины завибрировал: «Зафиксирован паттерн "бесцельная тревожность". За вами выслан куратор».

– Видите? – кивнул Марк. – Они уже едут. Не чтобы арестовать вас. А чтобы "помочь" вам избавиться от этого чувства.

Терапия несогласия

Дрон сопровождения выпустил аромат лаванды и свежеспеченного хлеба. Из него вышел Джулиан. Он выглядел как старый друг, которому доверяешь безоговорочно.

– Алина? Я твой персональный куратор. Система сообщила, что ты испытываешь дискомфорт. Можно я просто побуду с тобой немного?

– Со мной всё в порядке.

– Твои биометрические маркеры говорят об обратном, – мягко ответил он. – Учащённый пульс, микро-тремор. Мы называем это «синдромом смыслового трения». Ты просто устала нести на себе эмоциональный груз других людей.

Внутри капсулы, похожей на кокон, Джулиан не включал экранов.

– Расскажи мне, что ты чувствовала там.

– Я чувствовала... тревогу, – начала Алина. – Бесполезную. Бесцельную. И мне не хотелось, чтобы это проходило.

– Это прекрасное описание, – кивнул Джулиан. – Но эволюция не успевает за нашим миром. Эта тревога – древний механизм. Сейчас теней нет. Есть только безопасность. Это не ты. Это усталая миндалевидная железа.

Он достал полупрозрачный лепесток.

– Это «Эквилибриум». Он убирает этот колючий, бес-

смысленный шум. Ты сможешь вернуться к жизни без этой тяжести.

Алина взяла лепесток. Часть её кричала: Соглашайся. Но она вспомнила тиканье часов. Неровное. Живое.

Она положила лепесток под язык, но прижала его к нёбу, сделав вид, что глотает.

– Мне... уже лучше, – произнесла она, выдавливая слабую улыбку.

Когда капсула улетела, Алина выплюнула полурастворившийся лепесток на асфальт и растерла его ботинком. Тревога вернулась мгновенно. Но теперь к ней добавилась новая эмоция: осознание того, что она только что научилась лгать системе.

Протокол "Тихий берег"

В зале заседаний OmniFeel царило обволакивающее доверие.

– Коллеги, представляю проект «Тихий берег», – начала Алина. – Период скорби не должен превышать 72 часов. «Тихий берег» – это не подавление. Это завершение.

На голограмме женщина оплакивала мужа. Напротив сидел его идеализированный аватар.

– Виртуальный собеседник скажет именно те слова, которые нужны для закрытия гештальта. Он простит. В конце сеанса применяется микродоза нейроингибитора, закрепляющая состояние «светлой печали».

Директор одобрительно кивнул.

– Блестяще. Мы делаем горе экологичным. Но у части субъектов на пятый день фиксируется «ощущение пустоты». Как устранить?

Алина замерла.

– Мы можем... добавить в сценарий прощания элемент лёгкого разочарования в усопшем. Это создаст когнитивный диссонанс, который облегчит разрыв привязанности.

– Именно, – доволен сказал директор. – Небольшая «трещина» в идеальном образе. Пусть ИИ находит один маленький недостаток и мягко указывает на него.

Алину передёрнуло. Они собирались оплевать память,

чтобы человеку было легче её отбросить.

Она вышла и достала часы. Тик-так. Она вспомнила некрасивый, липкий плач после смерти бабушки. Но именно в этой боли была суть любви. Если бы тогда существовал «Тихий берег», система бы нашла в воспоминаниях «лёгкую шероховатость», и Алина бы «исцелилась» за три дня. Но тогда не было бы и той самой кружки.

Алина открыла скрытый протокол: «Поиск аномалий. Ключевые слова: пустота, фантом, бессмысленность. Локация: Сектор 4».

– Выполнить, – прошептала она.

Алина открыла скрытый протокол: «Поиск аномалий. Ключевые слова: пустота, фантом, бессмысленность. Локация: Сектор 4».

– Выполнить, – прошептала она.

Алина плакала по бабушке семь месяцев. Не три дня, не семьдесят два часа, как предписывали корпоративные стандарты «экологичного горя». Семь месяцев. Она просыпалась ночью от запаха бабушкиного одеколона, которого не было в её стерильной квартире. Она ловила себя на том, что хочет позвонить и рассказать о работе, о проблемах, о погоде. Она носила в сумке тот самый старый платок, который бабушка дала ей в последний раз, и доставала его, когда никто не видел, чтобы просто подержать в руках грубую, выцветшую ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.